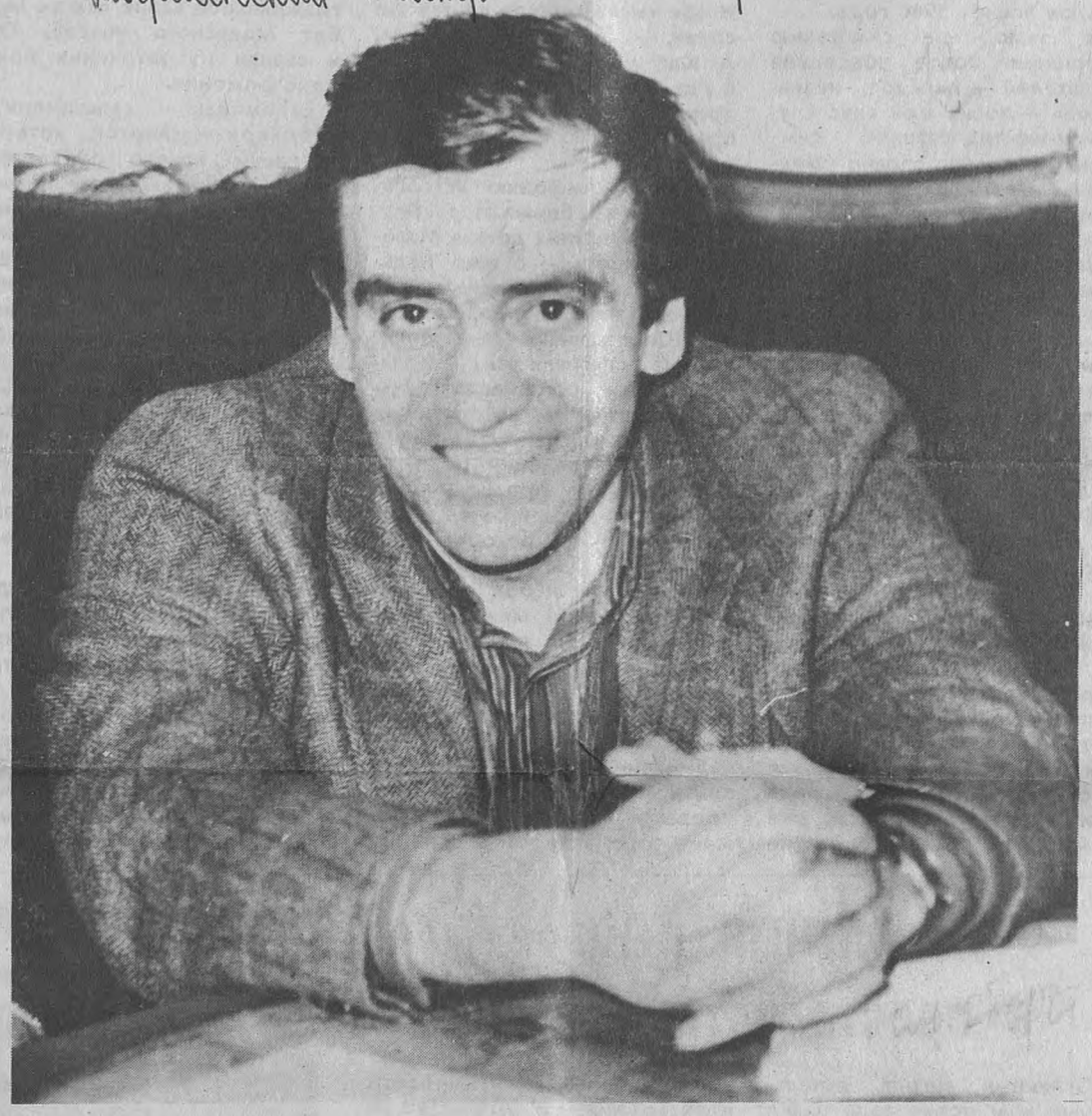
А САМОЕ ВАЖНОЕ ВСЕ-ТАКИ ДОМА...

Гергиев

Мариинский театр. – 1993. – апрель. – (№7-8). – с. 1,2.



Мы начали беседу днем в машине, продолжили за обедом, а закончили в половине первого ночи после великолепно проведенного маэстро концерта с Четвертой симфонией Шостаковича. Других вариантов поговорить не было, ибо на следующий день Валерий Абисалович мчался в Лондон, а дел оставалось, как всегда, невпроворот.

— Видит Бог, как не хочется сейчас лететь в Лондон! Нужно доводить «Садко» к гастролям... И вообще...

— А отменить поездку нельзя!

— Нельзя. Во-первых, ждет Юрий Башмет, который, кстати, в июне согласился приехать сюда играть бесплатно, отменив запланированные гастроли. Мне вообще крайне важно, чтобы имена крупнейших музыкантов, таких как Светланов, Темирканов, Янсонс, Башмет, Гутман, Репин ассоциировались с Мариинским. Тогда, думаю, и публика постоянная станет серьезнее, и наши молодые ребята будут стремиться к более высокому уровню...

В Лондоне предстоит решающая стадия переговоров о видеосъемках «Огненного ангела». В сентябре его будет снимать Би-Би-Си. Затем у меня встреча по другому международному проекту: делаем все, чтобы снять одну из опер Римского-Корсакова, скорее всего, «Садко». Эту красоту коровинскую еще никто никогда на Западе не видел.

— А каковы ваши общие впечатления от этой постановки?

— В целом спектаклем я доволен. Очень много хорошего в работе режиссера Алексея Степанюка, я на него и в будущем надеюсь. К сожалению, мне не удалось обеспечить ему должную поддержку по балету. Сейчас мы покажем «Садко» в Палермо, и нам всем следует задаться вопросом, что еще внести в этот спектакль, чтобы появилось больше свежести, яркости. К фестивалю Римского-Корсакова спектаклю надо дозреть.

— Естественно, эта колоссальная по объему работа была сделана в очень короткие сроки.

— Не согласен. Время, которое было дано на репетиции, не маленькое. Просто у нас режиссеры не привыкли работать так интенсивно, как это делают на Западе.

— Может быть, в чем-то имеет смысл сохранить свой вдумчивый, неторопливый стиль?

— Может быть... Но мы все существуем теперь в жестких рамках. Придется все-таки учиться работать у европейцев и американцев.

— Очень многое зависит и от того, сколько времени вы проводите в театре. Только войдешь в здание — сразу чувствуешь, здесь вы или нет.

— С театром я провожу много времени. Вот и сейчас весь апрель мы вместе на гастролях; в мае и в июне, за исключением пяти дней выступлений с караяновским оркестром и коротких деловых отлучек, я тоже со своим коллективом. В год мы играем вместе не менее 60 спектаклей и концертов.

К сожалению, от творческих дел постоянно отвлекают какие-то нерешенные иногда просто дикие технические проблемы. Мне приходится сплошь да рядом сталкиваться с устрашающими примерами бюрократического тупоумия. Мы не в состоянии освободить себя от налогов даже на ввоз новых инструментов, театральной одежды или необходимого оборудования, хотя между прочим деньги на них зарабатываем сами, да таким потом и кровью, какие чиновникам и во сне не снились. Чтобы не выглядеть замызганными на сценах Лондона или Нью-Йорка, не компрометировать своих музыкантов плохими инструментами, мы должны еще десятки тысяч долларов платить только за то, чтобы провезти все это через границу!

— От кого же зависит — избавить театр от подобных забот?

— Не буду в раздражении говорить, что от Ельцина. Ему действительно не до того. Есть масса бюрократов, их стало даже больше, чем при коммунистах. Они делают вроде бы нужное дело — защищают страну от разграбления, чтобы деньги не уходили в черный бизнес. А результат часто обратный. У входа в Мариинский театр билетами бесстыдно торгуют за валюту. Мы не можем нашим лучшим певцам экстра-класса заплатить и тридцати тысяч в месяц, а спекулянт за один перепроданный билет имеет пятьдесят тысяч рублей. И всему нашему чиновничьему аппарату, в том числе и кое-кому в театре, на это наплевать. И по поводу налогов, и по поводу билетной мафии я должен сам куда-то идти. Никаких сил и здоровья на это не хватит.

— Но зачем же самому? Ведь вас окружает немало профессионалов-администраторов?

— О том разговор и идет: вокруг творческих людей и вообще в театре необходимо организовать дело так, чтобы был один культ — работа. Не прощать никому, особенно — ответственным по должности людям, беспомощность и безответственность.

Мне на Западе много оркестров предлагают. Просят, уговаривают. Я отвечаю — у меня театр. Что это за театр такой? — удивляются, — здесь работа спокойная, оркестры прекрасные, еда чистая, гонорары большие. Как объяснить, что у меня моральный долг перед людьми, с которыми идем вместе уже несколько лет; долг жестко, порой беспощадно добиваться дисциплины на работе, но и нормальной жизни и отдыха для тех, кто работает.

— Насколько я знаю, в этом сезоне премьер больше не будет, поэтому можно подвести некоторые творческие итоги?

— Нет, рано. В июне предстоит интересная череда дел. Прежде всего, серия променад-концертов. В свое время я говорил: сначала русские программы, за ними западные. Теперь стараемся держать слово. Прозвучат рахманиновские «Симфонические танцы», а в следующем концерте давно обещанный Вагнер вместе с Брукнером и Сибелиусом. Очень бы хотелось сделать специальный концерт памяти Евгения Мравинского. А 20 июня состоится презентация рояля выпуска 1993 года фирмы «Стейнвей», на которой выступит Александр Торадзе. Рояль фирма присылает специально для Мариинского театра.

Хочу подчеркнуть, что в этом году Мариинский является одним из главных участников фестиваля «Белые ночи» и я несу ответственность за его программу и уровень перед своими и приезжими слушателями и зрителями.

— А каковы рабочие будни в эти весенние и летние месяцы?

— Идет выучка «Сказания о граде Китеже». Для меня «Китеж» подобно «Хованщине», работа этапная. Спектакль должен захватить не какой-то особо яркой формой, когда все с ног на голову, а глубиной и совсем особой атмосферой, какой нет в других операх. Выпуск «Китежа» намечен на конец января следующего сезона, к фестивалю Римского-Корсакова.

Певцы знакомятся с партиями «Свадьбы Фигаро». Недавно я имел встречу с возможным постановщиком Иоханнесом Шаафом. Это известнейший современный режиссер, на мой взгляд, один из двух-трех крупнейших в мире. И если Шааф найдет «щелку» между своими работами, то в сезоне 1993-94 года может состояться «Свадьба Фигаро» в его постановке.

— А что такое финский фестиваль? Расскажите о нем.

— Финский фестиваль — это совсем не коммерческая акция, если говорить о деньгах, будь они неладны... Этот фестиваль задумывается как некая отдушина для солистов, хора и оркестра театра после напряженного сезона и трудных гастролей.

(Окончание на 2-й стр.)

А САМОЕ ВАЖНОЕ ВСЕ-ТАКИ ДОМА...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Состоится фестиваль в последней декаде июля в финском городке Миккели, в двух часах езды от нашей границы. Он будет со скромным бюджетом и очень «нескромной» программой. Хочу надеяться, что фестиваль станет ежегодным. Мечтаю, чтобы Миккели стал своего рода «домашней резиденцией» артистов Мариинского театра, где они смогут отвлечься от забот и бытовых неприятностей...

— В связи с гастролями театр сейчас на месяц прерывает текущий сезон. Как объяснить это нашим зрителям?

— Театр предпринимает то необходимое, что диктует жестокая, бесцеремонная реальность. Государство не в состоянии защитить нас. Мы сами должны обеспечивать своим артистам и музыкантам уверенность в завтрашнем дне. Поэтому и необходимы гастроли. Но наш принцип — выступать только на крупных сценах и концертных площадках. Сейчас это — Палермо (10 спектаклей «Садко»), потом Рим, Вена, Кельн, Франкфурт, Амстердам — концертное исполнение русского репертуара.

Италия — это страна с традиционно высокими оперными критериями, бескомпромиссно высокими. И хотя сегодня не только итальянцы диктуют моду в опере, хотя с Ла Скала весьма успешно конкурируют Нью-Йоркский, Венский, Лондонский театры с их сильными хорами, оркестрами, огромными бюджетами, Италия остается в мире оперным центром. Поэтому гастроли там — трудная, приятная и необходимая часть творческого процесса.

Здесь мы делаем все, что можем, показываем новое, поддерживаем в форме старый репертуар; самое лучшее, важнейшее происходит дома, но гастроли — это естественная часть нормальной жизни театра. Когда мы на Западе показываем своего Мусоргского, Прокофьева или Римского-Корсакова, там это такой же праздник, как у нас, когда к нам «завернет» на один вечер Ла Скала с «Реквиемом» Верди или лучший Отелло мира — Доминго.

Лишать этих праздников ни нас, ни западную публику я не считаю верным. Вот почему нас месяц не будет в Петербурге.

Беседовала
Нора ПОТАПОВА

* * *

2 мая у Валерия Абисаловича сорокалетний юбилей. Да пребудут с ним и далее удача, светлая энергия творчества, добрая воля.

Н. П.